

УДК 39+82-7

DOI 10.25799/AR.2019.44.1.011

Книжная пародия как факт средневековой культуры («Слово Даниила Заточника»)

Бедина Наталья Николаевна

Кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163000, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 17;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из самых спорных произведений Древней Руси – «Слову Даниила Заточника» (XII-XIII вв.). Анализ сосредоточен прежде всего на двух важнейших вопросах, связанных с текстом «Слова...», – жанровом генезисе произведения и пародийной природе текста в том виде, как он дошел в списках XVI-XVII вв. Исследование текста позволяет предположить, что «личность» автора, образ Даниила Заточника, появляется в тексте «Слова...» после соединения средневекового флорилегия с цитатами из Псалтири с их индивидуально-личностным звучанием. На основании формальной стилистической и жанровой близости «Слова...» к псалмам и на основании того, что именно цитаты из Псалтири более всего подвергаются смысловому «сдвигу», в статье высказано предположение о том, что для псевдо-Даниила, а впоследствии и составителя «Моления» (поздней переделки «Слова...») покаянные псалмы стали предметом пародирования, «кошунного осмеяния». Характер историко-культурных условий, при которых появляется сочинение псевдо-Даниила, позволяет говорить о том, что «Слово...» объединяет, с одной стороны, традиции древнерусской средневековой книжности, а с другой – традиции западноевропейской латинской книжной пародии, воплощенной в формах национальной народной смеховой культуры скоморошества.

Для цитирования в научных исследованиях

Бедина Н.Н. Книжная пародия как факт средневековой культуры («Слово Даниила Заточника») // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. С. 99-109.

Ключевые слова

Средневековая культура, пародия, флорилегий, покаянные псалмы, скоморошество.

Введение

«Слово Даниила Заточника» (XII-XIII вв.) – одно из самых спорных произведений Древней Руси, и многие проблемы, связанные с его текстом в дошедшем до нас варианте, до сих пор остаются не разрешенными окончательно. Не существует, например, единого мнения по вопросу о взаимоотношении «Слова...» [Слово Даниила Заточника, 1997] и «Моления...» [Моление Даниила Заточника, 1877] (две ли это редакции одного текста или перед нами два разных произведения). Недостаточно прояснен также вопрос об авторе текста (был ли он действительно «Даниилом Заточником» и какое социальное положение занимал). Даны различные определения поэтической системы произведения и его жанрового генезиса, так как текст «Слова...» дошел до нас в списках уже значительно более позднего времени (самые ранние списки датированы первой половиной XVI в.). Рассмотрение данных вопросов неразрывно связано с определением роли, которую играют в тексте «Слова...» параллели с псалмами пророка Давида. Все исследователи, обращавшиеся к тексту «Слова (Моления)...», отмечают обилие в нем точных и неточных цитат из Псалтири, однако оценки этого заимствования отнюдь не однозначны, так же как не однозначно отношение ученых к самому произведению.

Большинство ученых XIX в. видели в «Слове...» реальное послание некоего Даниила, заточенного в одном из пределов Северной Руси, к своему князю с просьбой о помиловании [Безсонов, 1856, № 7; Безсонов, 1856, № 8; Гудзий, 1934; Робинсон, 1980; Скрипиль, 1955; Шляпкин, 1889]. Поэтому главными вопросами, интересовавшими исследователей, были «Кто такой Даниил?» и «Кому из русских князей адресовано послание?». В XX в. высказывались иные точки зрения на жанровую природу текста. Н.Н. Воронин, автор одного из наиболее основательных исследований «данииловских» текстов, считает, что имя Даниил – это лишь маска, аналогичная тем, что надевали шуты и скоморохи, и определяет жанр «Слова...» как публицистическое (в какой-то мере даже обличительное) произведение, рассчитанное на широкую аудиторию («мир») [Воронин, 1967]. Д.С. Лихачев также видит в сочинении «Даниила» черты народной смеховой, скоморошьей культуры и высказывает предположение о том, что автором «Слова...» мог быть некий образованный приближенный князя, сочинивший «Слово...» для того, чтобы рассмешить князя во время пира [Лихачев, 1954]. Поэтому все, на что сетует «Даниил», скорее всего, к реальной судьбе автора не имеет никакого отношения. Такая трактовка и «Слова...», и его последующей переделки получила развитие в книге «Смех в Древней Руси» [Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984], где текст произведения рассматривается в общем контексте средневековой смеховой народной культуры и прямо соотносится с сатирической литературой XVII в., построенной «на тех же принципах смешного».

Роль цитат из Псалтири в тексте «Слова...»

Х. Бирнбаум и Р. Романчук предложили версию жанрового генезиса текста «Слова...» из флорилегия, т. е. назидательной антологии [Бирнбаум, Романчук, 1997]. Действительно, отсутствие в нем обязательных элементов жанра средневекового послания, таких как самоуничижение автора, ссылки на источник той или иной цитаты и др., в контексте особой традиционности и каноничности древнерусской культуры сближает «Слово...» по типологическим и структурным особенностям с назидательными антологиями позднесредневекового времени, в частности «Пчелой». «Лишь поверхностно, – пишут Х.

Бирнбаум и Р. Романчук, – они были переделаны на лад посланий или “молений”... Добавление адресата в виде наименования князя является чертой, характерной для этой поверхностной трансформации от антологии нормального типа (как “Пчела” или “Изборники”) к посланию» [Там же, 593, 601]. Возможность позднейших вставок или, наоборот, исключение каких-либо выражений из текста «Слова...», изменение их последовательности в позднейших переделках – характерные черты антологий – вскрывают генетическую связь «Слова...» со сборниками афоризмов. Х. Бирнбаум и Р. Романчук подробно не исследуют, каким образом могла произойти трансформация антологии в «Слова...», лишь оговариваясь, что «молебные» черты текста могли быть вставлены позднее, что изменение текста оригинала путем замены третьего лица на первое может объясняться поздним характером дошедших до нас списков: «В особенности личный, лирический характер “голоса” Псалтири, так часто цитируемой в “Слове”, влиял, быть может, на более поздних переписчиков» [Там же, 590].

В таком случае, как нам кажется, логично было бы предположить, что сам образ Даниила, «личность» автора, появляется в тексте «Слова...» после соединения флорилегия, назидательного сборника типа «Пчелы», с цитатами из Псалтири с их индивидуально-личностным звучанием. В антологиях типа «Пчелы» (переводных или оригинального состава) выдержки из псалмов практически не встречаются, несмотря на особую афористичность языка Псалтири (хотя запрета на цитирование псалмов, естественно, не было). На эту особенность обратил внимание еще М.Н. Сперанский, объяснявший ее образовательно-дидактической направленностью флорилегия. В сборники, предназначенные, по мнению ученого, для совершенствования образования человека, не было необходимости вносить цитаты из такой общеизвестной книги, как Псалтирь, которая большинством образованных людей Древней Руси выучивалась наизусть как первая и главная учебная книга [Сперанский, 1904, 64].

«Слова...» так или иначе обращает читателя к Псалтири прежде всего в «просительных» смысловых отрезках, которые являются, как предполагают Х. Бирнбаум и Р. Романчук, более поздним привнесением в данный текст, не характерным для обычных антологий. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что «Слова...» является результатом соединения флорилегия с цитатами из псалмов. Однако цитаты здесь не выдерживают принципы цитирования афоризмов в «Пчеле»: составитель «Слова...» сознательно «выворачивает» смысл цитируемого оригинала. Попробуем рассмотреть это на нескольких примерах.

В строфе II, по реконструкции Л.В. Соколовой, легко узнается псалом 44-й:

«Слова...»: Бысть язык мой – трость книжника-скорописца,
И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость [Соколова, 1993, 248];
Псалом 44: Язык мой трость Книжника-Скорописца.
Красен добротою паче сынов человеческих,
излияся Благодать во устнах Твоих:
сего ради благослови Тя Бог во век (Пс. 44: 2-3).

В святоотеческой традиции толкования Псалтири образ Книжника-Скорописца есть символ Духа Святаго, «пишущего» в душе пророка, что свидетельствует о Богодухновенности Книги псалмов. Последующие строки традиция относит к характеристике Сына Божия, превосходящего чистотой и добротой всех сынов человеческих (свв. Иоанн Златоуст и Василий Великий). Псевдо-Даниил сознательно трансформирует смысл оригинала, перенося Божественные определения на самого себя. Правда, он не решился наделить свои уста

Благодатью и ограничился лишь аллюзией к стиху псалма «излияся Благодать во устах Твоих», говоря об «уветливости» свободно и быстро текущей собственной речи. Последующие строки – образец «уветливости» и свободного обращения Даниила с известными образами Евангелия и Псалтири (неслучайно Е.Е. Голубинский назвал его «гением-шутком»):

Сего ради покушахся написать всякъ съузъ сердца моего
И разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.
Но боюсь, господине, похуления твоего на мя:
Азь бо есмь аки она смоковница проклятая,
Не имѣю плода покаянию [Там же].

Даниил искусно вызывает у читателя ассоциации с прочитанным в книгах Священного Писания:

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвергошася мене,
Зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашень.
Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило,
А при напасти аки врази обрѣтаются
И паки помагающе подразити нози мои;
Очима бо плачутся со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата [Там же, 249].

Мысли о непостоянности, лживости «друзей» и «ближних» древнерусский книжник мог встретить не только в Псалтири (Пс. 37: 12-13; Пс. 40: 10; Пс. 145: 3), но и в Притчах Соломона, и в Книге Премудрости Соломона, и в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и, наконец, в Евангелии [Шляпкин, 1889, 71-81]. Может показаться, что автор повторяет известные истины, однако последняя строка, прямо восходящая к 3-му стиху 145-го псалма «Не надейся на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (Пс. 145: 3), обнаруживает смысловую подмену: спасая душу, уповай на Бога и «не надейся на князи», – учит Псалтирь; Даниил же ищет помощи именно у князя, реализуя на уровне подтекста интонацию кощунного смеха.

Допускаемая псевдо-Даниилом переадресовка и сознательное кощунственное искажение смысла цитируемого оригинала являются основным принципом цитирования Псалтири в обращениях к князю. На эту особенность «данииловского» текста обратил внимание еще Д. С. Лихачев: «...оттенок иронии приобретают под пером Даниила слова псалмов в тех случаях, когда Даниил “снижает” их значение» [Лихачев, 1954, 116]. Переадресовка псалтирных определений либо на себя, либо на князя является нарочитым искажением смысла псалмов. Сама формула обращения к князю «Княже мои, господине!» должна, видимо, напоминать молитвенные обращения псалмопевца к Богу «Господи, Боже мой». Определение «сыне великаго царя Владимира» прочитывалось исследователями как определение реального родства князя «Слова...» с неким Владимиром, и трактовка данного выражения так или иначе помогала определить историческую личность адресата. Основными вопросами, связанными с этим выражением, были «Какого князя Владимира автор “Слова...” мог назвать царем?» и «Не означает ли слово “сыне” просто принадлежности к роду князя Владимира?». Не исключая вероятности исторической основы для данного выражения, мы бы обратили внимание на возможность характерной для стиля «Слова...» мистификации, основанной на аллюзии-

противопоставлении к Иисусовой молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» (ср. в «Слове...»: «Помилуй мя, сыне великаго царя Владимирера»). Образ же «великаго царя» заставляет вспомнить 23-й псалом: «Кто есть сей Царь славы; Господь сил, той есть Царь славы» (Пс. 23: 10).

В «Молении...», более поздней переделке «Слова...», автор-составитель меняет местами фрагменты текста, дополняет его новыми, сознательно разрушает логику повествования [Соколова, 1993]. Пародийное начало, присущее «Слову...», здесь усилено: помимо отмеченного алогизма в некоторых частях текста, можно назвать более частое, чем в «Слове...», использование составителем полных обращений к князю «княже мои, господине!», большее количество цитат из Псалтири и в целом Священного Писания с тем же «перевернутым» смыслом, что и в «Слове...», но нередко, на наш взгляд, в более грубом исполнении, например: «Княже мои, господине! Помяни мя въ княжении своемъ, яко азъ, рабъ твои, сынъ рабыни твоя, вижу вся челоуѣки яко солнцемъ грѣмыхъ милостию твоею, только азъ единъ хожу во тьмѣ, отлученъ свѣта отъ очию твоею, аки трава растуши въ застѣнии, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идетъ. Тѣмъ же, господине, приклони ухо твое в глаголы усть моихъ, и отъ всѣхъ скорбеи моихъ избави мя» [Моление Даниила Заточника, 1877, 120]. Ср.: 1) Помяни мя, Господи, когда приидешь во Царствие Твое (Лк. 23: 42); 2) О Господи, аз раб Твой, и сын рабыни Твоя (Пс. 115: 7); 3) Не отврати лица Твоего от мене, вонже аще день скорблю, приклони ко мне ухо Твое (Пс. 101: 3); 4) Взысках Господа, и услыша мя, и от всех скорбей моих избави мя (Пс. 33: 5).

Способ цитирования текста псалмов и переосмысления их образов в «Слове...» и в «Молении...» оказывается совершенно отличным от традиционного в древнерусских оригинальных сочинениях обращения к тексту Священного Писания, в частности Псалтири. Цитаты вводятся не с целью подкрепить собственные рассуждения ссылкой на авторитетный источник или подчеркнуть основную мысль своего сочинения, что было характерно для древнерусских текстов [Алексеев, 1999; Рогачевская, 1992]. В книжной культуре Древней Руси сакральные тексты, в том числе и Псалтирь, не были неприкосновенны, однако все изменения, вносимые древнерусскими книжниками в лексическую или стилистическую ткань оригинала, ни в коей мере не касались его смыслового уровня. В «Слове...» же содержание оригинала цитирования (в цитатах как абсолютных, так и неточных) диаметрально противоположно содержанию произведения псевдо-Даниила.

Пародийная природа текста «Слова...»

Х. Бирнбаум и Р. Романчук предположили, что «Слова...» является образцом так называемого медитативного сочинения, имевшего распространение в монашеской антологической традиции, когда одни слова и образы подсказывают и вызывают из памяти составителя другие. Свободное обращение автора «Слова...» с цитатами из священных текстов подтверждает это предположение. Однако если целью монашеского медитативного чтения и сочетания цитат было прежде всего «правильное понимание» Священного писания посредством толкования-«созвучия» [Бирнбаум, Романчук, 1997, 597; Романчук, 1999, 38], то смена функций цитат и искажение их смысла в «Слове...» говорят о пародийной природе его текста. Одним из важнейших признаков пародии являются сохранение некоторых формальных элементов оригинала, следование за пародируемым стилем и жанром. За каким жанром следует автор «Слова...»? Внешняя форма произведения – это прошение, моление, или элегия изгнанника, жанр, известный литературе всей христианской Европы. Г.Ю. Филипповский называет

следующие общие жанровые признаки, объединяющие «Слова...» (а также некоторые другие древнерусские произведения) со староанглийскими героическими элегиями: «герой безымянен, лишен всяких индивидуальных примет; он утратил свое место в системе социальной иерархии, лишен покровительства господина, к которому обращается с мольбой о тяготах своей судьбы и одиночества; интонация причети и плача является ведущей в поэтическом строе произведения; в центре внимания – изображение состояния героя, его внутренних переживаний; личный тон повествования подчеркивает остроту ситуации» [Филипповский, 1995, 168]. Жанровая форма элегии имеет внешнее сходство с покаянными псалмами, а в нашем случае, с учетом стилистических особенностей памятников и обилия псалтирных цитат, генетически к ней восходит. На основании формальной стилистической и жанровой близости «Слова...» к псалмам и на основании того, что именно псалмы из наиболее часто цитируемых источников в «Слова...» более всего подвергаются смысловому искажению, можно утверждать, что и для автора «Слова...», а впоследствии и составителя «Моления...» предметом пародирования были прежде всего псалмы, причем псалмы покаянные.

Ю.Н. Тынянов в статье «О пародии» пишет, что «все методы пародирования состоят в изменении литературного произведения, или момента, объединяющего ряд произведений, или ряда литературных произведений – как системы, в переводе их в другую систему... Каждый отрыв какого-либо литературного факта от одной системы и введение его в другую является частичной переменной значения» [Тынянов, 1977, 294]. Именно в результате перенесения фрагментов псалма в чуждую систему создается пародийный характер текста «Слова...», проявляющийся в том числе и в несоответствии стиля произведения (сориентированного при наличии цитат из летописи, «мирских притч» и других источников прежде всего на Псалтирь) и его тематики (просьбы о нарочито материальной помощи). В «Слова...» постоянно ощущаются обязательное для пародии наличие второго плана, в данном случае плана Псалтири, постоянная с ней соотносимость и одновременно столь же обязательная «невязка» [Тынянов, 1977, 201; Фрейденберг, 1973], смещение планов «данииловского» текста и пародируемого оригинала.

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, говорить о сознательном составлении текста «Слова...» на материале некоего антологического сборника или, скорее, с использованием в целом монашеской антологической традиции для того, чтобы создать пародию на покаянные псалмы царя Давида. Средневековые пародии были атрибутом карнавальной, на Руси – скоморошьей культуры, которая оказалась близка автору-составителю «Слова...». М.М. Бахтин саму природу средневековой смеховой народной культуры определяет как последовательно внецерковную и внерелигиозную: «Более того, некоторые карнавальные формы прямо являются пародией на церковный культ» [Бахтин, 1990, 11]. Карнавал «торжествует» временное «освобождение» от существующей общепринятой правды, временную отмену норм и правил, определяющих жизнь вне карнавала, он создает свой мир, обратный реально существующему. Карнавал сближает то, что в обычной жизни удалено друг от друга: священное с профанным, высокое с низким, мудрое с глупым. С этим связана и особая карнавальная профанация: карнавальные кощунства, целая система карнавальных снижений и приземлений, карнавальные пародии на священные тексты и изречения.

Смеховая, карнавальная традиция тесно связана с феноменом «анти-поведения». Б.А. Успенский определяет его как «поведение наоборот – поведение, сознательно нарушающее принятые социальные нормы». «В итоге анти-поведение может принимать самые разнообразные формы: в частности, для него характерно ритуальное обнажение, сквернословие,

глумление над христианским культом» [Успенский, 1994, т. 2, 165-166]. Но все формы анти-поведения осознаются только в перспективе христианских представлений, именно как отклонение от них. Может быть, здесь можно говорить об амбивалентности средневекового смехового снижения, которое не только отрицает, но одновременно и утверждает: «Средневековая пародия, – говорит М.М. Бахтин, – совершенно не похожа на чисто формальную пародию нового времени. Литературная пародия... снижает, но это снижение носит чисто отрицательный характер и лишено возрождающей амбивалентности» [Бахтин, 1990, 28].

Составитель «Слова...» создает картину анти-мира, создает анти-текст, который со всей его образной системой целиком принадлежит сфере анти-поведения. Как пишет А.М. Панченко, в русской народной культуре обезьянничанье и карикатура – искусство скоморохов, они деформируют и пародируют мировой порядок. Если языковая стихия Церкви и христианских праздников – церковнославянский высокий язык, то «скоморошья сфера – просторечный язык, а также ритуальное сквернословие, эсхрология (русские источники постоянно порицают “веселых” за то, что они пользуются “матерной лаей” как своего рода корпоративным и обрядовым диалектом)» [Панченко, 2000, 99].

Заключение

Учитывая высокий слог «Слова...», книжную образованность автора, его исключительное умение пользоваться техникой медитативного сочинения, мы можем вслед за Д.С. Лихачевым сказать, что «Слова...» – это не скоморошья речь, записанная писцом, что псевдо-Даниил только учился у скоморохов, но сам скоморохом не был. Соглашаясь с предположением, что составитель «Слова...», скорее всего, был монахом, о чем пишут Х. Бирнбаум и Р. Романчук, мы не можем не отметить, что в контексте русской христианской культуры фигура автора «Слова...» – монаха-скомороха – двойится, так же как дwoятся фигуры монахов, переписывавших «Слова...» в сборниках назидательно-серьезных наряду не только с «Пчелой», генетически близкой «Слову...», но и, например, с «Житием святого и славного и всехвального первомученика и архидиакона Стефана» или «Житием Василия Нового» и слов «Святого Нила о осми помыслѣх». В народной обрядовой жизни сферы мира и анти-мира, поведения, подчиненного христианской морали, и анти-поведения были достаточно четко определены. Святочные, масленичные и тому подобные обряды, предполагающие карнавальные формы анти-поведения, воспринимались самими участниками как греховные и требующие последующего покаяния и очищения святой водой. Вопрос же многократного переписывания «Слова...» и «Моления...» в составе серьезных назидательных сборников XV-XVII вв. остается открытым.

Впрочем, в западной христианской культуре мы можем найти довольно знаменательные аналогии к данным текстам в так называемой «священной пародии», т. е. пародиях на священные тексты и высокую книжность, рожденных самой высокой книжностью. Влияние карнавального мироощущения на видение людей и их мышление было непреодолимым: оно позволяло им как бы отрешаться от своего официального статуса и воспринимать мир в карнавально-смеховом аспекте. Даже высокопоставленные церковники и ученые-богословы разрешали себе веселые рекреации и «монашеские шутки». Они создавали пародийные или полупародийные ученые трактаты и иные смеховые произведения на латинском языке. Автору «Слова...» действительно оказывается близок дух западноевропейской культуры, и неслучайно

ученые находят параллели между сочинением псевдо-Даниила и произведениями книжников Западной Европы.

Терпимость католической Церкви ко всем формам карнавала и даже участие в нем не только отдельных священнослужителей, но Церкви как института (например, в «праздниках осла», во время которых осел вводился внутрь церкви, где занимал почетное место и окружался поразительными знаками внимания, или «праздниках дураков», в ходе которого низшее духовенство «предавалось гнуснейшему непотребству») Р. Генон объясняет особым смыслом «огораживания» низменных влечений человека, который заключается в том, чтобы сделать эти влечения, насколько это возможно, безопасными, давая им возможность проявиться на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, т. е. заключив их в тесные рамки, которых они не в силах переступить. Православная Церковь принимала многие празднично-смеховые обряды как некую культурную традицию народа, однако «праздник осла» был неизвестен на Руси, так как отношение Церкви к любым проявлениям кощунства было однозначно отрицательным (что совпадает, как уже было сказано, с оценкой самих участников игрищ). Таким образом, «Слово Даниила Заточника» объединяет, с одной стороны, традиции древнерусской средневековой книжности, а с другой – традиции западноевропейской латинской литературной пародии, воплощенной в формах национальной народной смеховой культуры скоморошества.

Появление «Слова...» в XII в., внимание к нему и переработка текста в XIII в. («Моление...»), возможно, определены кризисным характером данной эпохи в истории русского народа, который позволяет смеховой стихии в народном сознании вырваться за рамки обрядового карнавала. М.М. Бахтин особо отмечает, что на всех этапах своего исторического развития празднества были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека. Архетипическая связь карнавала с критическими периодами человеческой истории определяет возникновение карнавального мироощущения как формы «критического исторического сознания» при реальной ломке общественного строя, при реальном кризисе народного самосознания.

Библиография

1. Алексеев А.А. Монастырь и Священное Писание // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб.: Наука, 1999. С. 24-30.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Безсонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» «Слова Даниила Заточника» // Москвитянин. 1856. № 7. С. 319-351.
4. Безсонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» «Слова Даниила Заточника» // Москвитянин. 1856. № 8. С. 389-416.
5. Бирнбаум Х. Мечта и тоска в период высокого Средневековья: Даниил Заточник и Вальтер фон дер Фогельвейде (несколько предварительных соображений) // Литература и искусство в системе культуры. М.: Наука, 1988. С. 173-182.
6. Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 50. С. 576-602.
7. Воронин Н.Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Наука, 1967. С. 54-101.
8. Гаспаров М.Л. Пародия // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 286.
9. Генон Р. О смысле «карнавальных» праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45-48.
10. Гудзий Н.К. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности ак. А.С. Орлова. Л.: АН СССР, 1934. С. 478-479.

11. Лихачев Д.С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. 10. С. 106-119.
12. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
13. Моление Даниила Заточника // Русская хрестоматия: памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем. М., 1877. С. 119-130.
14. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. С. 11-264.
15. Псалтирь в святоотеческом изъяснении. Святая Гора Афон: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1997. 537 с.
16. Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI-XIII вв. М.: Наука, 1980. 336 с.
17. Рогачевская Е.Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 1992. Сб. 3. С. 181-199.
18. Романчук Р. *Lectio divina*: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб.: Наука, 1999. С. 36-43.
19. Скрипиль М.О. «Слово Даниила Заточника» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: АН СССР, 1955. Т. 11. С. 72-95.
20. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 268-283.
21. Соколова Л.В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 229-255.
22. Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: исследования и тексты. М., 1904.
23. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
24. Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 2. 688 с.
25. Филипповский Г.Ю. Жанр «героической элегии» в средневековой английской и русской литературах // Сборник материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков «Научная программа: русский язык, культура, история». М.: МПГУ, 1995. Ч. I. С. 167-174.
26. Фрейденберг О.М. Происхождение пародии // Семиотика. Труды по знаковым системам. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. Вып. 6. С. 490-497.
27. Шляпкин И.А. Слово Даниила Заточника (по всем известным спискам) с предисловием и примечаниями. СПб., 1889.

Book parody as a fact of the medieval culture ("The Word of Daniel the Exile")

Natal'ya N. Bedina

PhD in Philology, Docent,
Associate Professor at the Department of cultural and religious studies,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163000, 17, Severnoi Dviny emb., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to one of the most disputable work in Old Russia – "The Word of Daniel the Exile" (the 12th and the 13th centuries). The analysis focuses primarily on two high-priority problems related to "The Word of Daniel the Exile". They are the genre genesis of the text, surviving in the lists of the 16th and the 17th centuries, and its parodic nature. The study of the text allows the author to assume that the "personality" of the author (the image of Daniel) appeared in the text after connecting medieval florilegia with quotations from the Book of Psalms with their individual sound.

The "The Word of Daniel the Exile" is similar to the Psalms in formal stylistics and genre, herewith quotations from the Book of Psalms are most exposed to the semantic shift. The article points out that the penitential Psalms became the subject of parody ("blasphemous ridicule") for pseudo-Daniel and late versions of the "The Word of Daniel the Exile". The nature of the historical and cultural conditions, under which the work by pseudo-Daniel appears, allows the author to conclude that "The Word of Daniel the Exile" unites, on the one hand, the traditions of Old Russian medieval literature and, on the other hand, the traditions of Western European Latin book parody, embodied in the forms of national folk laughter culture of buffoonery.

For citation

Bedina N.N. (2019) Knizhnaya parodiya kak fakt srednevekovoi kul'tury ("Slovo Daniila Zatochnika") [Book parody as a fact of the medieval culture ("The Word of Daniel the Exile")]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (1A), pp. 99-109.

Keywords

Medieval culture, parody, florilegium, penitential psalms, buffoonery.

References

1. Alekseev A.A. (1999) Monastyr' i Svyashchennoe Pisanie [Monasteries and Sacred Scripture]. In: *Monastyrskaya kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 24-30.
2. Bakhtin M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Works by François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
3. Bezsonov P. (1856) Neskol'ko zamechaniy po povodu napechatannogo v "Russkoi besede" "Slova Daniila Zatochnika" [A few remarks about "The Word of Daniel the Exile" published in the journal *Russian Conversation*]. *Moskvityanin* [Moscovite], 7, pp. 319-351.
4. Bezsonov P. (1856) Neskol'ko zamechaniy po povodu napechatannogo v "Russkoi besede" "Slova Daniila Zatochnika" [A few remarks about "The Word of Daniel the Exile" published in the journal *Russian Conversation*]. *Moskvityanin* [Moscovite], 8, pp. 389-416.
5. Birnbaum H. (1988) Mechta i toska v period vysokogo Srednevekov'ya: Daniil Zatochnik i Val'ter fon der Fogel'veide (neskol'ko predvaritel'nykh soobrazhenii) [Dream and longing in the period of the High Middle Ages: Daniel the Exile and Walter von der Vogelweide (several preliminary considerations)]. In: *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury* [Literature and art in the system of culture]. Moscow: Nauka Publ., pp. 173-182.
6. Birnbaum H., Romanchuk R. (1997) Kem byl zagadochnyi Daniil Zatochnik? [Who was the enigmatic Daniel the Exile?]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 50. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., pp. 576-602.
7. Filippovskii G.Yu. (1995) Zhanr "geroicheskoi elegii" v srednevekovoi angliiskoi i russkoi literaturakh [The genre of "heroic elegy" in medieval English and Russian literature]. *Sbornik materialov nauchnoi konferentsii lingvistov, literaturovedov, fol'kloristov, istorikov "Nauchnaya programma: russkii yazyk, kul'tura, istoriya"* [Proc. Conf. "The scientific program: the Russian language, culture, history"], Part 1. Moscow: Moscow Pedagogical State University, pp. 167-174.
8. Freidenberg O.M. (1973) Proiskhozhdenie parodii [The origin of the parody]. In: *Semiotika. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics. Works on sign systems], Vol. 6. Tartu: University of Tartu, pp. 490-497.
9. Gasparov M.L. (1987) Parodiya [Parody]. In: *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 286.
10. Gudziy N.K. (1934) K kakoi sotsial'noi srede prinadlezhal Daniil Zatochnik? [What social environment did Daniel the Exile belong to?]. In: *Sbornik statei k 40-letiyu uchenoi deyatelnosti ak. A.S. Orlova* [Collected articles dedicated to the 40th anniversary of the academic activities of Academician A.S. Orlov]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, pp. 478-479.
11. Guénon R. (1991) O smysle "karnaval'nykh" prazdnikov [On the meaning of carnival holidays]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 4, pp. 45-48.
12. Likhachev D.S. (1954) Sotsial'nye osnovy stilya "Moleniya" Daniila Zatochnika [The social foundations of the style of "The Petition of Daniel the Exile"]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 10. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, pp. 106-119.

13. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. (1984) *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Old Rus]. Leningrad: Nauka Publ.
14. Molenie Daniila Zatochnika [The Petition of Daniel the Exile] (1877). In: *Russkaya khrestomatiya: pamyatniki drevnerusskoi literatury i narodnoi slovesnosti, s istoricheskimi, literaturnymi i grammaticheskimi ob'yasneniyami, s slovarem i ukazatelem* [Russian reader: monuments of Old Russian literature and folk literature, with historical, literary and grammatical explanations, with a dictionary and an index]. Moscow, pp. 119-130.
15. Panchenko A.M. (2000) Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter the Great's reforms]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture], Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 11-264.
16. *Psaltir' v svyatootecheskom iz'yasnenii* [Psalms in the patristic explanation] (1997). Mount Athos: Saint Panteleimon Monastery.
17. Robinson A.N. (1980) *Literatura Drevnei Rusi v literaturnom protsesse Srednevekov'ya XI-XIII vv.* [The literature of Old Rus in the literary process of the Middle Ages from the 11th century to the 13th century]. Moscow: Nauka Publ.
18. Rogachevskaya E.B. (1992) Bibleiskie teksty v proizvedeniyakh russkikh propovednikov [Biblical texts in works by Russian preachers]. In: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [The hermeneutics of Old Russian literature], Vol. 3. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, pp. 181-199.
19. Romanchuk R. (1999) Lectio divina: monasheskoe chtenie na Vostoke i na Zapade [Lectio divina: monastic reading in the East and in the West]. In: *Monastyrskaya kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 36-43.
20. Shlyapkin I.A. (1889) *Slovo Daniila Zatochnika (po vsem izvestnym spiskam) s predisloviem i primechaniyami* [The Word of Daniel the Exile (according to all known lists) with a preface and notes]. St. Petersburg.
21. Skripil' M.O. (1955) "Slovo Daniila Zatochnika" ["The Word of Daniel the Exile"]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 11. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, pp. 72-95.
22. Slovo Daniila Zatochnika [The Word of Daniel the Exile] (1997). In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [The library of Old Russian literature], Vol. 4. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 268-283.
23. Sokolova L.V. (1993) K kharakteristike "Slova" Daniila Zatochnika (rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) [On characterising "The Word of Daniel the Exile" (reconstruction and interpretation of the original text)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. 46. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., pp. 229-255.
24. Speranskii M.N. (1904) *Perevodnye sborniki izrechenii v slavyano-russkoi pis'mennosti: issledovaniya i teksty* [Translated collections of sayings in Slavic Russian written language: studies and texts]. Moscow.
25. Tynyanov Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. A history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ.
26. Uspenskii B.A. (1994) *Izbrannye trudy* [Selected works], Vol. 2. Moscow: Gnozis Publ.
27. Voronin N.N. (1967) Daniil Zatochnik [Daniel the Exile]. In: *Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s Novym vremenem. Issledovaniya i materialy po drevnerusskoi literature* [Old Russian literature and its connection with the New Age. Studies and materials on Old Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., pp. 54-101.